

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Наваждение. Часть 2: Фарс

Я не курил уже года два, но всегда держал пачку сигарет в кармане. На всякий случай. И вот теперь такой случай представился.

Я сидел на скамейке у второго подъезда соседнего дома, которую от наших окон закрывает увитая диким виноградом арка, и безуспешно пытался подкурить — руки тряслись так, что я просто не мог удержать огонек зажигалки у кончика сигареты.

Как она могла?

Что мне теперь делать?

Куда бежать?

Как жить?

Я гнал от себя эти вопросы, пытался сконцентрироваться на, как оказалось, совсем не легком задании — подкурить сигарету — но они возвращались снова и снова, заставляя меня вздрагивать.

Вдруг чья-то рука властным жестом отобрала у меня зажигалку. Вспыхнуло пламя, и сигарета тихо затрещала.

Я затаился, прикрыл глаза, вынул сигарету, шумно выдохнул. Да, теперь лучше. И вновь открыл глаза. Передо мной, улыбаясь во весь рот, стоял мой школьный друг Ленька.

— Ты ж вроде бросил, — сказал он, протягивая мне зажигалку.

— Угу, — я кивнул и снова затаился.

Сизый дымок причудливыми петлями поднимался в воздух и собирался легким облачком на уровне моего носа, прежде чем растаять.

— Проблемы? — он сел на скамейку рядом со мной.

Я опять кивнул и вдруг разрыдался, как обиженная девчонка:

— Лень, че мне делать? Как мне с ней разговаривать? Как отцу в глаза смотреть? Кто она мне теперь — мать, мачеха, любовница? Как жить вообще?

— Не надо драматизировать, — он пожал плечами, глядя прямо перед собой. — Ну, что в этом такого? Ты взрослый мужик, тебе щас не мамка, а баба нужна. А они с твоим батей давно в разводе, да и по крови она тебе никто. Так что я вообще никаких проблем не вижу...

Я посмотрел на него пристально, и слезы тут же высохли, уступив место глухой ярости:

— Ты хочешь сказать, что это... нормально?

Он поднял на меня глаза:

— Конечно, нет, — он улыбнулся примирительно. — Но согласись, если бы ты не называл ее мамой, в этом не было бы ничего страшного...

— И все? — прошипел я. — Просто перестать называть ее мамой? И, по-твоему, это тут же решит проблему? А батя? Как с ним быть?

— А че, он не человек, что ли? Думаешь, он совсем слепой? Вспомни наш выпускной, как она, захмелев, на тебя вешалась. Твой батя тогда психанул, помнишь?..

— Ага, я когда домой пришел, они друг на друга дулись еще...

— Вот видишь. Ты один не замечал, а она к тебе уже давно неровно дышит...

— Но это же все равно неправильно...

— Сань, я тебя понимаю, — Ленька вздохнул. — Ты привык относиться к ней, как к матери, но ведь на самом деле она тебе совершенно посторонний человек...

— Можно ли считать посторонней ту, которая по ночам дежурила у твоей постели и меняла тебе компрессы? — задумчиво возразил я. — Можно ли считать посторонним человека, который видел тебя в таком виде, о каком даже тебе самому вспоминать стыдно? Можно ли считать посторонним того, кому ты доверял свои самые сокровенные мысли, который знает о тебе больше, чем иногда даже ты сам? Наконец, посторонний ли мне тот, благодаря кому я стал тем, кто я есть?

— Это сложно, — Ленька опустил голову.

Капля чего-то красного упала на его руку. За ней еще одна. Потом еще.

— Знаешь, — проговорил он, когда его руки стали красными, — ты прав. Но и она права. Она смотрит на тебя, как на мужчину, видит в тебе не ребенка, а достойного партнера, намного лучшего, чем твой отец, — он поднял на меня лицо — оно было мертвенно бледным, из пустых глазниц текла кровь, нос провалился, губы потемнели. А на скулах кожа лопнула, и из открытых ран на меня смотрели белые черви и одобрительно кивали черными пуговками головок.

Я вдруг вспомнил, как два года назад ходил на его похороны. И мне стало смешно. И я рассмеялся. Прямо в это мертвое истлевающее лицо.

Кажется, это ускорило процесс разложения — Ленька покачнулся и провалился вовнутрь своей одежды, которая через мгновение превратилась в пыль и улетела с легким порывом ветра.

— Ешкин кот, — выругался я и отбросил обжегший мне пальцы окурок.

Опять она. Интересно, как она это делает?

Я выбил себе щелчком еще одну сигарету, поднес ее к губам, помедлил немного и скомкал. Нет, не дождется. Ей не удастся выбить у меня этим почву из-под ног.

Я вернулся домой. Ее уже не было, зато на печке стояла полная кастрюля чего-то горячего и несомненно вкусного, а в квартире все еще витал аромат ее эфирных масел. Ненавижу этот запах...

Отец пришел, когда уже стемнело. Тяжело грюкнул дверью, потом долго возился с ботинками. Я лежал на своем диване и делал вид, что сплю. Справившись, наконец, со шнурками, он заглянул ко мне, несколько минут сопел на пороге, потом на цыпочках вошел и сел рядом со мной.

— Спишь?

Я не ответил.

— Может, оно и к лучшему... Ты, это, прости меня... если сможешь... за все прости... я тебе жизнь испоганил...

Он поднялся, тяжело хлопнул меня по спине и тихо вышел в коридор.

Еще какое-то время я слушал возню в кухне — шум воды, треск электроподжига, звон стекла, натужный свист чайника...

Что-то долго он свистит — мелькнула в моей полусонной голове странная мысль.

И сна как не бывало.

Я выбежал в кухню.

Он мерно покачивался на крюке, на котором раньше висела люстра, теперь аккуратно сложенная у двери прямо на полу.

— Папа! — вскрикнул я, обхватил руками его талию, уткнувшись лицом во влажные брюки, и попытался приподнять, чтобы хоть немного ослабить натяжение петли. Но он и при жизни

был тяжелым, а теперь... — Идиотка! Дебилка! Шалава! Он-то тут при чем? — шептал я со слезами на глазах, с трудом пытаясь разрезать тупым кухонным ножом армейский ремень, затянутый на его шее. — Это не из-за него. Я сам не хочу, понимаешь, дура? Сам! Меня бы лучше... в петлю... Его зачем?

Наконец, ремень лопнул, и его тело шумно упало на пол, ударившись головой об стол. Чайник на плите по-прежнему захлебывался свистом.

Несколько минут я тупо сидел на табурете, свесив руки и голову и вдыхая острый запах его мочи. Надо звонить... я медленно побрел в прихожую, поднял трубку и приложил ее к уху. Кому звонить? Ей?

Будто в ответ на мои мысли в наружную дверь тяжело забухали. Я медленно выбрел в темный тамбур и открыл дверь. На пороге стояли двое в форме и сосед снизу.

— Совсем охре... — начал он и вдруг умолк. — Что случилось, Сань?

Я молча развернулся и побрел обратно в квартиру. Они бесшумно вошли за мной. И застыли на пороге кухни.

— Алло, «скорая»?..

И до самого утра кто-то приходил, уходил, у меня что-то спрашивали, я что-то отвечал. Отца увезли, накрыв белой простыней. Как они не старались, его левая рука упрямо свешивалась с края носилок. Потом все ушли, и остался один сосед. Он похлопал шкафчиками, достал откуда-то отцовскую заначку, разлил по стаканам:

— Помянем Грину, — протянул мне.

Я выпил, но ничего не почувствовал. Он налил еще. Я снова выпил. И снова ничего. После третьей он отвел меня в комнату, уложил в постель.

— Я двери захлопну, ты не беспокойся, — сказал он напоследок...

Утром будильник опять трезвонил где-то в глубине шкафа. Я поднялся, но не стал его искать — какая теперь разница.

Умылся, в кой-то веки побрился и причесался. Надел выстиранную вчера ма... Ириной одежду. Выпил свой кофе и вышел на улицу.

Солнце еще не встало, но небо было уже светлым, и птицы уже настраивали свои инструменты, готовя приветственную оду дню.

Я подошел к остановке. Дверь в магазине напротив была открыта. Я перешел через дорогу и заглянул внутрь. Кудряшка была одна. Она ползала на коленках, вымывая руками пол. Ее попка, затянутая в узкие атласные бриджи, призывно колыхалась при каждом движении. Я немного постоял на пороге, потом решительно шагнул в магазин и резко закрыл за собой дверь. Мое движение было настолько быстрым, что даже колокольчик на двери не успел звякнуть, и девчонка ничего не услышала.

Я расстегнул джинсы, ухватил резинку ее штанишек и рванул на себя.

Она замерла, напряглась, но я резко втолкнулся в нее. И она вскрикнула — от боли и страха. Пружинки ее кудряшек смешно прыгали и из-под них доносились жалобные всхлипы, вскрики и стоны. Одной рукой я держал ее шелковистые мягкие молочно-белые бедра, а вторую запустил ей под маечку и с силой мям подпрыгивавшие при каждом моем толчке груди.

Ее волосы пахли дешевым шампунем и чем-то тонким, сладким, почти знакомым. Ее кожа была нежной, и от моих пальцев на ней оставались круглые темные пятна. Что-то знакомое. Внутри у нее было горячо и тесно. Она сжимала меня плотно, но особого наслаждения от

этого я не испытывал. Но отчаяние и апатия, которые владели мною всю ночь, теперь сдались под напором какой-то звериной злости. И я драл несчастную девчонку так, будто на ее месте была Ирина, выплескивая на нее все накопившиеся обиды.

И вот, когда у меня внизу живота что-то приятно сжалось, я резко выдернул из ее влагилица свой член и также без подготовки и предупреждения вошел в ее попку. Она не просто вскрикнула, а заорала, как может орать только раздираемая заживо женщина. Я толкнулся глубже. Колечко ануса судорожно сжалось, почти передавив мне вены, но меня это не остановило. Кожа в темной впадинке растрескалась, выступили первые капельки крови. Я толкнул сильнее — тон ее крика повысился. Теперь она визжала, как свинья на убое. Крови стало больше. Я толкнул еще — и она вдруг обмякла, ее сфинктер расслабился и я вошел на всю длину. И кончил, разбавляя содержимое ее прямой кишки своим семенем и болью.

Я вышел. Вытер ее попку и свой член удачно подвернувшимися влажными салфетками, что лежали на прилавке. Да не так уж и сильно порвал. Орала, небось, больше от страха. Хотя на душе у меня все равно было гадко — вот так вот взял и зазря хорошую девушку обидел.

Она заворочалась. Я присел рядом с ней на корточки и убрал волосы с ее лица.

В принципе меня не сильно удивило то, что я увидел.

— Попалась, — ухмыльнулся я.

Она посмотрела на меня с испугом и попыталась отползти, но я схватил ее запястье.

— Что ж ты, мама? Труп отца еще даже не остыл, а ты мне уже свою задницу подставила, — мне хотелось сделать ей больно, еще больнее, чем сделал только что. Хотелось ее оскорблять, орать на нее, бить. Хотелось видеть ее слезы и юшку из носа...

— Ты все равно... будешь моим... — испуг на ее лице сменился холодной уверенностью и насмешливой улыбкой на губах.

— Никогда... — прошипел я в ярости и оттолкнул ее от себя.

Это ее спокойствие и уверенность бесили меня. Наверное, если бы она сейчас расплакалась, уткнулась лицом мне в плечо, попросила прощения, я бы забыл свою злость, и все было бы совсем по-другому. Но она решила показать, что я был в ее власти целиком и полностью, что, кроме моей ярости, мне нечего ей противопоставить, что она умнее, хитрее и сильнее меня.

— И что ты мне сделаешь? — она поднялась на ноги и сорвала с себя остатки одежды. Проникший сквозь стеклянную дверь лучик солнца высветил каждый изгиб, каждую волнительную линию, каждую ямочку ее тела. Мне бы нужно было встать, развернуться и уйти, но уж слишком чарующим было представшее моим глазам зрелище. — Ну же, давай, еще один раз — и мы с тобой будем неразлучны.

И вот тут меня словно холодной водой окатило. Я вдруг успокоился и улыбнулся:

— А вот этого подарка ты от меня не дождешься...

Я встал и вышел на улицу. Она выскочила за мной следом — я слышал, как звякнул колокольчик на двери, и увидел удивленные взгляды мужиков с остановки. Колокольчик звякнул еще раз, а в моей голове раздался шепот: «Все равно ты будешь моим».

Я усмехнулся и прибавил шаг — из-за поворота уже показался наш автобус.

Всю дорогу до работы, стоя, уткнувшись лбом в стекло, я думал.

Плана как такового не было, но делать что-то было нужно...

Сегодня меня снова отправили под крышу, снова потолок. Кабель хреновый, еще чего доброго током шархнет...

Я залез на леса, приковался сбруей, достал из кармана нож, рассуждая про себя, что надо бы

зачистить контакты на зажиме. Подрезал изоляцию, оголил провода...

Немного помедлил.

В голове звучал голос Ирины: «Ты слабак, ты никогда не сможешь сделать это. И кому ты что докажешь? Вместо того чтобы решать свои проблемы, ты бежишь от них».

Потом зазвучал гулкий голос Ленки: «Да ладно тебе, Сань, пойдем лучше вечером пивка попьем!»

Я усмехнулся — лучше амброзии и на твоей территории.

И резко прижал оголенные провода туда, где жалобно билось сердце...

* * *

Темнота не была абсолютной. В ней мелькали блики, слышались голоса, обрывки ощущений и чувств...

Я пытался зацепиться за что-то, удержать это, но цепляться было нечем и не за что...

Холодно...

Это было первое внятное впечатление, которое не исчезло, едва появившись, а пришло и осталось...

Твердо...

Второе впечатление...

Больно...

Третье...

Тысячи мелких точек боли...

Спустя вечность пришло слово — камень. Холодный, твердый и шероховатый...

Я попытался ощупать его, но слабость наполняла меня, словно какой-то сосуд... Тело... Я — тело, поэтому я чувствую — холод, боль, твердость...

Возникло и расплылось светлое пятно. Сквозь пелену пробился свет... боль... Глаза... Я — тело, у меня есть глаза, они болят, потому что я смотрю на свет... Что сделать, чтобы не было боли? Закрывать глаза... темно, боли нет... хорошо...

Прошла еще вечность, прежде чем я снова смог открыть глаза и повернуть голову.

— Хорошо, что ты выбрал электричество, а не бросился, скажем, под поезд. Мне бы совсем не хотелось портить такое красивое тело уродливыми швами, — голос... знакомый и незнакомый одновременно...

— В следующий раз я постараюсь, чтобы меня хорошенько размазало по асфальту... — почему мне хочется говорить ей такое? Ах да, это же она...

— Следующего раза не будет, — со смехом сказала она... ее голос разносился гулко, мой звучал глухо... — Уж я-то об этом позабочусь.

Я повернул голову к свету.

Я знал, что произошло, как я здесь оказался, почему так медленно возвращалась ко мне чувствительность. Все просто — я умер. А она меня оживила. Зачем? Разве не очевидно?

— Конечно, ребенка от тебя я теперь не рожу — хватило же тебе фантазии спустить мне в прямую кишку свою последнюю порцию жизнеспособной спермы — зато у меня будешь ты. Всю вечность мы теперь будем неразлучны, — говорила она, обходя вокруг камня, на котором я лежал — я слышал, как перемещался источник ее голоса, ощущал тепло ее тела и даже различал шорохи ее шагов.

Затем она остановилась:

— Ты не хочешь ничего спросить?

Я качнул головой.

— Ты не хочешь на меня посмотреть?

Я снова качнул головой.

Она опустила на колени рядом со мной и взяла меня за руку:

— Почему? Почему ты такой упрямый?

Я передернул плечами.

— Ведь теперь все это вообще не имеет значения! По большому счету, ты теперь не человек — у тебя не может быть своих желаний, чувств или стремлений...

— Тогда зачем было меня оживлять? Ведь раз у меня нет моих желаний, чувств и стремлений, значит, это уже не я. Чего ты добивалась? Моего тела? Делай теперь с ним что хочешь, но на большее не рассчитывай...

Она не ответила, поднялась и удалилась.

Я закрыл глаза. Мне действительно все равно, что теперь будет, но мысль о том, что она станет ласкать мое тело, заниматься с ним сексом или делать с ним еще что-то, была мне неприятна. Не то чтобы я не хотел этого — от одного воспоминания о том, какой она предстала передо мной в том магазине накануне моей смерти, у меня кровь прилиwała к паху.
Но